

DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-2-213-225

Научная статья

Кабардинская басня: архетипическое ядро и этноспецифическая поэтика

К.О. Хашир

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова,
Российская Федерация, Кабардино-Балкарская Республика,
360004, Нальчик, ул. Чернышевского, 173
 cara.khashir@gmail.com

Аннотация. Басенные архифабулы, являющиеся трансисторическими по своей природе, имеют множество этнокультурных преломлений в литературе разных народов мира. В данной статье с методологической опорой на труды И.Г. Гердера, Г.Д. Гачева, а также современных кавказоведов автор исследует специфику кабардинской басни, взятой в диалектическом единстве ее устойчивых, архетипических констант и национально обусловленных контекстов. На примере басен К. Атажукина, А. Дымова, Б. Жанимова, Б. Кагермазова, П. Тамбиева, Б. Тхамокова, М. Хакуашевой, П. Шекихачева, Т. Шеретлокова, А. Шомахова, Х. Эльбердова показана соотнесенность декларируемых поэтами моральных ценностей с постулатами кабардинского этического кодекса «Адыгэ Хабзэ». В рамках исторической поэтики автор демонстрирует трехступенчатый эволюционный процесс, связанный с переходом баснописцев от практики заимствования классических сюжетов к национальной адаптации, а затем к созданию оригинальных текстов. Большое внимание в статье уделяется расшифровке символических образов.

Ключевые слова: басня, архетип, зооморфный образ, вегетативный образ, кабардинская поэзия, национальная адаптация, этнопоэтика

История статьи: поступила в редакцию: 04. 02.2022; принята к печати: 04. 04.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Хашир К.О. Кабардинская басня: архетипическое ядро и этноспецифическая поэтика // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 2. С. 213–225. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-2-213-225

© Хашир К.О., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Kabardian Fable: Archetypal Core and Ethnospecific Poetics

K.O. Khashir

Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov,
173, Str. Chernyshevskiy, Nalchik, 360004, Kabardino-Balkarian Republic, Russian Federation
 cara.khashir@gmail.com

Abstract. Fable artifabulas, which are transhistorical in nature, have many ethnocultural refractions in the literature of different peoples of the world. In this article, with methodological support on the works of I.G. Herder, G.D. Gachev, as well as contemporary Caucasian scholars, the author explores the specifics of the Kabardian fable, taken in the dialectical unity of its stable, archetypal constants and nationally determined contexts. By the example of the fables of K. Atazhukin, A. Dymov, B. Zhanimov, B. Kagermazov, P. Tambiev, B. Tkhamokov, M. Khakuasheva, P. Shekikhachev, T. Sheretlokov, A. Shomakhov, H. Elberdov the law of correlation between moral values declared by poets and the postulates of the Kabardian ethical code “A dyghe Khabze” is shown. Within the framework of historical poetics, the author demonstrates three-stage evolutionary process associated with the transition of fabulists from the practice of borrowing classical subjects to national adaptation, and then to the creation of original texts. Much attention is paid to the decoding of symbolic images.

Key words: fable, archetype, zoomorphic image, vegetative image, Kabardian poetry, national adaptation, ethnopoeitics

Article history: Received: 04.02.2022; Accepted: 04.04.2022

Conflict of interests: none

For citation: Khashir, K.O. 2022. “Kabardian Fable: Archetypal Core and Ethnospecific Poetics”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (2), 213—225. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-2-213-225

Введение

Басня — краткое дидактическое повествование, созданное для передачи народной мудрости и способствующее более глубокому пониманию особенностей человеческого поведения. Это двуединый жанр, имеющий отношение как к фольклору, так и профессиональной литературе. Вопрос генезиса басни до сих пор остается дискуссионным. В обыденном сознании данный жанр ассоциируется с именем легендарного древнегреческого баснописца Эзопа. Однако целый ряд исследователей происхождения и развитие «бродячих сюжетов» связывают с древнеиндийской «Панчатантрой» и его арабским аналогом «Калила и Димна», например: «Современные исследователи национальных сказок могут с удивлением обнаружить, что архифабулы древних фольклорных текстов тянутся к “Калиле и Димне”. Большое количество известных нам народных сказок (английских, немецких, испанских, итальянских, американских, русских, кабардинских, балкарских и др.) содержат в своей основе ключевые мотивы басен и притч “Калилы и Димны”» [1. С. 307]. В любом случае басня как жанр принадлежит всем этниче-

ским культурам мира в равной степени: «Что же касается до изобретения, то басня, кажется нам, принадлежит не одному народу в особенности, а всем вообще, равно как и все другие роды поэзии» [2. С. 404].

В первую очередь важно отметить как общность басенных нравственных ориентиров у каждого этноса, так и различие в подаче морали в зависимости от культурной идентичности авторов басен. Отмечается, что «древнегреческие и древнеиндийские басни разбрелись по всему свету; они явились тем богатейшим источником, из которого черпали мотивы и сюжеты многие последующие баснописцы. Но при всей общечеловечности содержания басня каждого народа приобретает своеобразный национальный колорит» [3. С. 7]. Итак, элементы басенного жанра в большей или меньшей степени прослеживаются в литературном творчестве множества народов.

В кабардинской литературе с начала XIX в. на основе национального фольклора, нравочений и притч под влиянием русской литературы начал формироваться прозаический и стихотворный басенный жанр со своей художественной структурой и особенностями. В жанре басни в кабардинской литературе задействована большая часть элементов этнической картины мира кабардинцев и их национальных обычаев и традиций, несмотря на то, что баснописцы зачастую прибегали к использованию заимствованных сюжетов.

В данной статье анализируются басни кабардинского субэтноса, который является частью черкесского этноса с самоназванием «адыгэ». Несмотря на незначительные субэтнические отличия, в целом черкесы обладают общей культурой.

Взаимопонимание между различными народами может быть переведено на качественно новый уровень благодаря заинтересованному изучению этнических характеристик своих «соседей по планете», т.е. формуле «возлюбленной непохожести», по выражению отечественного философа и культуролога Г.Д. Гачева. Свой взгляд на особенности этносов и их исследование мыслитель выразил в труде «Ментальности народов мира»: «Наш подход — не прагматико-идеологический, но культурно-эвристический: понять национальное, как особый талант зрения, в силу которого человек (ученый, художник) из данного народа склонен открывать одни аспекты в бытии и духе, а выходец из другой традиции — иные. Наша цель — явить взаимную дополнительность, как бы разделение исторического и культурного труда между странами и народами, описать национальный мир и ум как инструмент с особым тембром в симфоническом оркестре человечества и так продемонстрировать богатый спектр в наличном достоянии современной цивилизации Земли» [4. С. 5].

Анализ этноспецифических черт кабардинской басенной поэтики становится возможным благодаря развитию научной мысли о наличии психологических особенностей народов. Упоминалось об этом еще у Геродота: «Подобно тому, как небо в Египте иное, чем где-либо в другом месте, и как река у них отличается иными природными свойствами, чем остальные реки, так и нравы и обычаи египтян почти во всех отношениях противоположны нравам и обычаям остальных народов» [5. С. 108—109].

Впоследствии этой проблемой занимались многие мировые мыслители, такие как Шарль Луи де Монтескье, Георг Гегель, Иоганн Готфрид Гердер и др. Опыт изучения особенностей разных народов учтен в данной статье: важнейшей опорой

для ее написания послужили исследования Г.Д. Гачева, а незаменимым источником для глубокого осмысления именно кабардинской культуры стали труды историка и этнолога Б.Х. Бгажнокова.

Следует отметить, что автор статьи является этнофором, свободно владеет кабардино-черкесским языком и полностью вовлечен в черкесскую культуру. Данная подробность важна, поскольку для раскрытия глубинных особенностей духа народа необходимо исследование культуры изнутри, иначе могут возникнуть сложности, связанные с «сопротивлением материала». Отмечая актуальность подобной проблемы, тувинские ученые Ш.Ю. Кужугет, Н.Д. Сувандии и Ч.К. Ламанжаа пишут: «Это проявляется в ходе культурологических дискуссий, в которых может обсуждаться та или иная нерусская культура, но носители этих культур попросту не узнают в них свою культуру, поскольку из дискурса может “выключаться” вся лексика культуры и в итоге обсуждается скорее русский образ иной культуры» [6. С. 407]. В то же время хотим подчеркнуть, что весьма важную роль в объективном исследовании играет и преодоление этноцентризма.

После выполненного нами перевода басен на русский язык и анализа творчества кабардинских баснописцев мы рассмотрим этнические особенности кабардинской басенной поэтики и вместе с тем отметим общемировые черты басни, культурные универсалии, свойственные басням всех народов. Мы имеем возможность идентифицировать особенности кабардинской басни с помощью сравнительно-исторического, семиотического и этноонтологического методов анализа. Как справедливо отмечает Г.Д. Гачев, «пока народ существует изолированно, он не имеет возможности иметь национальное самосознание. Оно начинается лишь в актах сравнения с другими народами, которые предлагают собой многостороннее зеркало данному народу для многогранного познания самого себя в рефлексии» [4. С. 31].

Обсуждение

Зарождение жанра басни в недрах кабардинской словесности происходит в конце XIX в. под влиянием фольклорной традиции и русской литературы. Для реализации главной задачи — просвещения и образования народа — басни были введены просветителями К.М. Атажукиным (1841—1899) и П.И. Тамбиевым (1873—1928) в содержание первых кабардинских азбук (К. Атажукин активно работает с сюжетами Эзопа, П. Тамбиев также с произведениями Л.Н. Толстого, И.И. Дмитриева, К.Д. Ушинского). Такие просветители и писатели, как Т.А. Шеретлоков, П.Д. Шекихачев, А.Г. Дымов, Х.У. Эльбердов тоже использовали одноименные сюжеты древнегреческой и русской классической басни, включая в них и элементы кабардинского фольклора.

Кабардинские писатели использовали заимствованные сюжеты, однако они умело адаптировали их под свою культурную систему. М.М. Бахтин писал: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины» [7. С. 335].

В связи с исторически обусловленным отсутствием у адыгского народа профессиональной художественной словесности кабардинской литературе за корот-

кий промежуток времени пришлось пройти путь, который европейская литература проходила веками, что отсылает нас к теории ускоренного развития, разработанной Г. Гачевым. И если в начале пути опора на опыт инокультурных баснописцев прошлого была велика, то с течением времени в данном жанре проглядывается все больше и больше этноспецифических черт, что в итоге приводит к зарождению независимой, оригинальной кабардинской басни, вышедшей из-под пера таких писателей и поэтов, как Б.Г. Кагермазов, Б.А. Жанимов, А.К. Шомахов, Б.Г. Тхамоков и др.

По нашим наблюдениям, каждый из кабардинских авторов при создании нравоучительных художественных текстов в первую очередь руководствовался морально-этическим кодексом черкесов «Адыгэ хабзэ», который представляет собой совокупность нравственных норм поведения, законов, предписаний относительно того, каким должен быть человек. Быть адыгом — значит соблюдать нормы «Адыгэ хабзэ»; адыгство — ключевое понятие, на котором строится концепция национального сознания и самосознания адыгов. Можно утверждать, что адыгский «народный дух» сосредоточен в идеалах адыгства и «адыгэ хабзэ», ярко отраженных в кабардинских баснях. Однако само понятие «дух народа» ввели французские просветители XVII в., и до сих пор нет единого мнения о том, что же он собой представляет.

Немецкий мыслитель И.Г. Гердер (1744—1803), несколько отходя от идей географического детерминизма, считал, что «душу народа» можно узнать в первую очередь через народное творчество. В труде «Идеи к философии истории человечества» он отмечал значительную роль мира фантазий и воображения в отражении присущих народу черт и сокрытие под подковами мифа и сказки человеческой правды [8. С. 284].

Исторически лишённые возможности иметь свою письменность, адыги выразили свое художественное дарование в устном народном творчестве, где идеалы «Адыгэ хабзэ» нашли свое отражение. В кабардинских баснях присутствуют различные фольклорные формулы, зачастую моральные поучения в них представляют собой пословицы. О родстве басни и пословицы писал известный языковед А.А. Потебня [9. С. 90—97]. Также собиратель русских пословиц и поговорок И.М. Снегирёв в предисловии к «Русским народным пословицам и притчам» указывал: «Как многие притчи и басни сократились в пословицы... так равно последние развиты в баснях и притчах» [10. С. 31].

В басне Т. Шеретлокова «Два козлика» мораль выражается пословицей: «Іэуэлъауэ шыкуэдым акъыл шымащІэщ» («Там, где много шума, мало ума») [11. С. 298]. Одноименная басня К. Ушинского учит, что лучше уступить, иначе упрямство приведет к несчастью [12. С. 104]. Авторы, используя один и тот же сюжет, по-своему преподносят идею басни и пользуются разными способами передачи нравственного посыла. Басня Х. Эльбердова «Муравей и голубь», написанная по сюжету Эзопа, заканчивается пословицей: «ФІы пщІэмэ, фІы кыпокІуэж» («Добро сделаешь, добро получишь») [13. С. 76]. У Эзопа же мораль гласит, что при случае и от бессильных бывает помощь [14. С. 131]. Замена оригинальной морали на кабардинскую пословицу повлекла за собой некоторое изменение смысла.

По мнению Г.Д. Гачева, «первое, очевидное, что представляет лицо народа, — это ПРИРОДА, среди которой он вырастает и совершает свою историю. Она —

фактор постоянно действующий. Тело земли: лес (и какой), горы, пустыня, тундра, вечная мерзлота или джунгли, климат умеренный или с катастрофическими изломами (ураганы, землетрясения, наводнения, засуха, пожары...), животный мир, растительность — все это предопределяет и роль труда, которым здесь надо заниматься населению (охота, бортничество, кочевье, скотоводство, земледелие, мореплавание, торговля, промышленность...)...» [4. С. 28—29]. Затрагивая тему природы и роли труда в черкесском обществе, невозможно не отметить бортничество, нашедшее свое отражение во множестве басен (Б. Тхамоков «Оса и пчелы», У. Тхагапсов «Пчела и мухи» и др.). Пчелы, традиционно олицетворяющие такие качества, как трудолюбие и усердие, становятся героями басен не случайно, ведь пчеловодство издревле было одним из важнейших занятий адыгов, а мед — одним из их основных продуктов питания. Пчела (*каб.* бжьэ) имеет сакральный, кодификационный характер в системе адыгских мифопоэтических воззрений [15. С. 40].

По утверждению Г.Д. Гачева, «растительный или животный символизм — тоже важный аспект в различении национальных мирозерцаний» [4. С. 20]. В оригинальной басне Б. Жанимова «Жыгымрэ Лъэнтхъуриймрэ» («Дерево и вьюнок») автор обращается к растительным образам. Следует отметить, что фольклор и мифологические воззрения кабардинцев имеют тесную связь с растительным кодом: «Култ священных деревьев, рощ и лесов (Тхьэч1эгъ чыг, Тхьэч1эгъ мэз) в различных формах был известен адыгам еще с древнейших времен. Об этом свидетельствуют античные и средневековые источники, наблюдения Шильдбергера, Иоана Лукского, Эвлия Челеби, Витсена, К. Главани и других» [16. С. 161—162]. В адыгском мифопоэтическом сознании дерево имеет особую значимость и наделено человеческими качествами.

В басне Б. Жанимова дерево выступает как один из главных героев наряду с вьюнком, второстепенные же герои — птицы. Вьюнок пытается с помощью хитрой лести объединиться с деревом, чтобы впоследствии паразитировать на нем. Птицы пытаются предотвратить это, однако дерево остается непреклонным. Басня заканчивается моралью:

Мораль сей басни посмотри:
Негодное в супрагу не бери,
И если встретишь, то скорей беги,
А если нет — окажешься ты в путах [17. С. 55].

Появление в басне птиц, желающих отговорить дерево от смертельно опасного союза, также связано с кабардинскими традициями, предписывающими человеку деятельное участие в делах ближнего в качестве его морального долга. Этнолог Б. Бгажноков отмечает: «В адыгской этике в значении “эмпатия” используется слово гуш1эгъу, состоящее из двух элементов: гу — “сердце”, ш1эгъу — “сочувствие”, “соучастие”. В итоге получаем ряд однородных значений: “сердечное участие”, “сердечная участливость”, “сердечная связь”, “сердечный отклик”. Все они хорошо передают не только сущность, но и различные оттенки эмпатии. При этом, в полном соответствии с идеей и общей направленностью человечности, “участливость” оценивают как моральную обязанность и важное нравственное качество личности» [18. С. 36].

Еще одна кабардинская традиция отражается в басне Б. Жанимова через использование понятия «дзей» (супруга). Традиция коллективной взаимопомощи у кабардинцев носила добровольный характер и служила формой объединения во время выполнения тяжелых работ: «Наиболее известной формой объединения служила супруга (дзей), связывавшая во время выполнения тяжелых сельскохозяйственных работ 2—4 близкородственных дворов путем соединения рабочего инвентаря и тягловой силы» [19. С. 99]. Трудовая солидарность кабардинцев могла выходить за пределы их собственных интересов: «Супряжные союзы также могли обрабатывать земли одиноким, пожилым людям, старикам, сиротам, инвалидам, вдовам» [19. С. 99]. Как отмечает историк Х. Думанов, «никто с поля не возвращался, пока не были вспаханы все участки земли, а отставшим помогали те, которые заканчивали раньше» [20. С. 34]. Примеры взаимной поддержки сохранялись в памяти народа в нартском эпосе, в сказках и сказаниях, пословицах, поговорках. Б. Бгажноков пишет: «Традиция взаимопомощи, занимающая важное место в обычном праве всех народов — ярко выраженный эмпатический социальный институт» [21. С. 88].

Басня «Дерево и вьюнок» Б. Жанимова касается вечных моральных проблем, истин, знакомых каждому народу: опасаться лести, не пренебрегать мудрыми советами, которые помогут уберечь от несчастий. Она отражает народный менталитет и культурные традиции. Мораль басни заключена в выразительной реплике: «Уэ мыхбумыщІэр зэй умышІ дзей» («Негодного в супругу не бери»). Она соотносится с кабардинской пословицей: «Уи мыщауэгъу гъусэ умышІ» («Неравного в товарищи себе не бери»).

Похожий посыл содержится и в басне Б. Жанимова «ЩыГубымрэ ужьэмрэ» («Крот и ласка»). Здесь крот и ласка решают объединить свои усилия, однако ласка не является к назначенному сроку и в целом безответственно относится к возложенным на нее обязанностям. Крот спокойно ожидает ее появления, но даже после того, как они приступают к работе, их союз не приносит плодов: ядро переламывается, крот застревает в овраге. После многочисленных хождений от одного друга к другому ласка, наконец, получает запасное ядро и вытаскивает крота, однако времени для пахоты уже не остается. Заканчивает автор снова словами о том, что неравного себе нельзя выбирать в спутники, иначе предприятие будет обречено на неудачу.

Для формирования супруги наиболее результативным считалось объединение равных по трудовым возможностям семейств. В данном случае крот и ласка совершенно разные по характеру и возможностям персонажи, и оттого их союз неэффективен. Можно привести аналогию с известной басней И. А. Крылова «Лебедь, щука и рак»:

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдет,
И выйдет из него не дело, только мука [22. С. 71].

В характере крота мы можем увидеть отражение одной из заповедей адыгского этикета — «тэмакъ кІыхъ» (длинное горло), что означает терпимость, сдержанность: «Термин “тэмакъ кІыхъ” — букв.: “длинное горло” как нельзя лучше от-

вечает такому содержанию. Принято думать, что сильные эмоции возникают в животе, в груди, а затем, проникая в мозг, дают о себе знать в виде плохо контролируемых действий. Если этот путь длинный, то эмоции гнева успевают затихнуть, не обнаруживая себя. В противном случае выходят наружу в виде реакций, идущих вразрез с правилами приличия (бранные слова, рукоприкладство и т. д.)» [18. С. 66]. Крот сохраняет спокойствие после ожидания ласки, прощает ее и идет с ней на пахоту. Кабардинцы говорят: «уи тэмакъ кЫхын нэхърэ нэхъ нэсып сыт шыІэ» («что может сравниться со счастьем быть сдержанным в гневе» букв.: иметь длинное горло).

Басня Б. Жанимова «Номинымрэ кІэпхьымрэ» («Обезьяна и белка») обличает такой порок, как неблагодарность. Семью обезьян постиг голод, белка увидела это и, приняв близко к сердцу, принесла им орехи. Обезьяны, поделив дары между собой, их съедают, однако глава семейства называет белку бессовестной из-за того, что та принесла им недостаточно еды. Белка, услышав упрек в свой адрес, быстро уходит, открывает сундук, вынимает из него весь запас орехов и относит семье обезьян, однако и такой щедрый жест их не удовлетворяет. «Это тоже, — говорит обезьяна, — не наполнило наш амбар!» [17. С. 69]. Басня завершается строками: «Я не ищу новой морали для басни: кто неблагодарен за малое, тот не оценит и многого» [17. С. 69].

Кабардинцы говорят: «ФЫщІэ пщІымэ, уцЫхуш, цЫхугэ пхэлъш, напэ уиІэщ» («Отвечая на добро благодарностью, ты поступаешь как благородный человек, обладающий человечностью и честью»). Как отмечает Бгажноков, «щепетильность адыгов здесь настолько велика, что даже в том случае, когда, действуя с добрыми намерениями, человек не смог помочь другому человеку, последний обязан исполнить по отношению к первому свой долг признательности. Заслуживает благодарности сама по себе готовность помочь или оказать услугу, сам импульс участия. Более того, услуга из разряда “медвежьих”, и та нуждается в благодарной и благородной оценке. Обычно, в связи с этим говорят: Зы дэкіэ уигъу сыкъэкІи кунэфу къыщІэгъэкІ, что означает: “Да будет твое участие в моих делах всего с один орех, и пусть даже этот орех окажется гнилым, и в этом случае я благодарен тебе и ценю твой поступок”» [18. С. 40]. Следует отметить, что именно орех и фигурирует в басне.

Обезьяна не только не проявляет благодарности, но и называет белку словом «напэншэ» (бессовестная). Выбранное обезьяной выражение считается едва ли не самым оскорбительным у кабардинцев. Басня показывает, что отрицательный персонаж не только не испытывает благодарность в ответ на добро, но даже готов оскорбить благодетеля. Подобное поведение ставится автором в один ряд с самыми злостными преступлениями: Данте Алигьери, известный автор «Божественной комедии», даже поместил в последний, девятый круг ада тех, кто предал доверие, а также проявил неблагодарность в отношении своих благодетелей.

Образ белки также раскрывает элементы адыгской этики, которая, в частности, обязывает совершать добрые дела, не рассчитывая на благодарность. Об этом свидетельствует кабардинская пословица: «ФЫ щІэи псым хэдзэ» («Сделай добро и брось в воду»): «оказав кому-либо помощь, недостойно жаловаться на то, что тебя за это не поблагодарили, что ты зря потратил время, силы, средства; непри-

лично напоминать человеку об оказанных ему услугах, говорить об этом с упреком или с сожалением» [18. С. 41].

Однако, как мы уже отметили, использование темы неблагодарности в литературе не является исключительно адыгской прерогативой и остается актуальным во все времена и у всех народов. Известные писатели и поэты мира считали неблагодарность абсолютно неприемлемым качеством человека. Так, У. Шекспир писал: «Есть ли что-нибудь чудовищнее неблагодарного человека?» [23. С. 250]. Данный порок отображен также и во множестве басен, например, в баснях Эзопа «Платан», «Олень и виноград», И.А. Крылова «Волк и Журавль», «Крестьянин и работник», Лафонтена «Собачья неблагодарность» и др.

Национальный колорит можно обнаружить и в басне А. Шомахова «Бажэмрэ дыгъужьымрэ» («Лиса и волк»). Образ лисы здесь традиционен: она хитра и коварна, с помощью лести добивается своих целей. Обманывая волка, она ссылается на обычаи своего народа, говорит, что держит пост, и зовет его в гости, чтобы якобы угостить, а на самом деле заманивает в капкан. Для лисы нет ничего святого: ни традиций гостеприимства, которые у адыгов были на сакральном уровне, ни религиозных убеждений.

Обычай гостеприимства, свойственный всем народам, воспринимался кабардинцами как одна из величайших добродетелей и соблюдался неукоснительно, с особой тщательностью [24. С. 23]. Гость, кем бы он ни был, считался адыгами неприкосновенным, а соблюдение принципа гостеприимства строго контролировалось общественным мнением. Адыгский просветитель Хан-Гирей писал о нарушителях законов гостеприимства: «Они делаются предлогом народного презрения, честные люди теряют к ним уважение и гнушаются их сообществом; на каждом шагу оскорбительные упреки встречают их» [25. С. 29].

Немаловажными для кавказских народов являлись и обычаи, связанные с трапезой. Г.Д. Гачев, описывая особенности менталитета грузин, отмечает: «То, что совершается за грузинским пиршественным столом, — это совсем не просто насыщение. Это национальная литургия, домашняя церковь. Тамада — это первосвященник. На столе распластана сама Грузия, ее плоды» [4. С. 250]. В целом сам по себе процесс поглощения пищи мыслитель считает сакральным: «Принятие пищи — всегда священнодействие, акт сакрального соединения моего тела, кости и плоти моих, — со вселенной, чтоб состоять в гармонии с нею» [4. С. 62]. И для адыгов застолье являлось не только способом утолить голод и жажду, но и обладало высокой социальной значимостью.

В басне Б. Тхамокова «Нэмысымрэ насыпымрэ» («Почтительность и счастье») действие происходит именно за столом. В традиционном адыгском обществе, как правило, места за столом были четко регламентированы, и самое почетное из них занимал глава застолья: «Почетное место, наиболее удаленное от входной двери, занимал глава застолья. Остальные рассаживались в порядке убывания возраста и ранга» [26. С. 92].

Сюжет басни строится на том, что почетное место за столом заняла Почтительность, но при этом она ведет себя недостойно, хвалится своим высоким положением. Почтительность, т.е. уважение к окружающим людям, к их чести и достоинству, крайне важная составляющая адыгской этики, однако в данном случае

героиня Почтительность и само понятие почтительности выступают как противоположности.

Героями басни Б. Тхамокова становятся абстрактные понятия, что необычно для данного жанра. Более того, эти понятия являются особо значимыми в контексте культурной парадигмы адыгского народа, что придает басне национальный колорит и позволяет автору вложить в нее мораль, напрямую соотносящуюся с идеалами «Адыгэ хабзэ».

В настоящее время в кабардинской литературе наблюдаются процессы, связанные с деконструкцией классических жанровых канонов басни, поиском новых стилевых модификаций, усилением в ней притчевого начала. При этом неизменным остается одно — зооморфная или вегетативная метафоризация человеческих пороков и добродетелей, национальный контекст, актуализация социальной проблематики. Ярким примером нового видения формы данного жанра может послужить нравоучительный текст М.А. Хакуашевой «Грустная притча о доброй корове и непослушной ласке»¹, написанный в прозе. Мы можем наблюдать и увеличение объема басни, и приближение ее к публицистике, и пролонгированную «интригу» басенной аллегории, раскрываемую автором в самом конце. Также фокус внимания автора смещается в сторону политическую, отражая не только вечные истины, включенные в «моральный каталог» классических басен, но и этносоциальную ситуацию адыгов в конкретный исторический момент.

Кабардинская басня не ограничивается именами и явлениями, представленными в данной работе. Другие литературоведческие проблемы, спроецированные на басенную субкультуру, определяют перспективу дальнейшего исследования адыгской и — шире — северокавказской дидактической литературы. В частности, в наши планы входит исследование лектонического содержания кабардинских басен, обеспечивающего самоорганизацию социума в ответ на любой вызов жизни (в любой жизненной ситуации) [27. С. 132].

Заключение

Басенный жанр в кабардинской литературе в ускоренном темпе прошел все ступени своего развития, опираясь на мировой опыт и в то же время интегрируя элементы народного творчества и отражая национальную специфику.

Система нравственных идеалов каждого этноколлектива обладает своими специфическими особенностями, однако в сердцевину этой системы заключены общие, универсальные ценности, определяющие, что для человечества является благом, а что — пороком. Но при этом в каждой «этнобасне» присутствуют элементы, обусловленные национальным «Космо-Психо-Логосом» [4. С. 34], в том числе анималистические, вегетативные образы, региональная проблематика. Другими словами, жанровая сущность басни позволяет соотносить частные проявления человеческой жизни с универсальными законами бытия, что придает ей общечеловеческий смысл, однако в зависимости от этнокультурной принадлеж-

¹ <http://zappravakbr.com/index.php/analitik/1462-grustnaya-pritcha-o-dobroj-korove-i-neposlushnoj-laske>

ности авторов басня при всей универсальности посылка приобретает и свои уникальные черты.

Проведенное исследование показало, что кабардинские баснописцы прибегают к использованию «бродячих сюжетов», однако адаптируют их к культуре, повседневной жизни и этико-эстетическим потребностям своего народа. Выбор сюжетов обусловлен их способностью коррелировать с адыгским мировоззрением, нередко случаи, когда моральное поучение подвергается незначительной корректировке в соответствии с национальным видением жанра. Даже полностью заимствованные кабардинскими баснописцами сюжеты могут преобразовываться и транслироваться читателям уникальный посыл.

Список литературы

1. Кучукова А.Р., Кучукова З.А. «Калила и Димна» как прототекст транснациональных сказок // Национальные образы мира в художественной культуре: материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения литературоведа, философа, культуролога Г.Д. Гачева (1929—2008). Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2015. С. 306—311.
2. Жуковский В.А. О басне и баснях Крылова // Собр. соч.: в 4 т. М.; СПб.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. Т. 4.
3. Русская басня XVIII—XIX веков / под ред. В.П. Степанова, Н.Л. Степанова. СПб.: Советский писатель, 1977.
4. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. М.: Эксмо: Алгоритм, 2008.
5. Геродот. История / пер. с греч. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2004.
6. Кузугет Ш.Ю., Сувандии Н.Д., Ламажаа Ч.К. Проблемы перевода концептов культуры на другой язык: на примере тувинских концептов культуры // Полилингвальность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 4. С. 405—420. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-4-405-420
7. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
8. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества / пер. с нем. М.: Наука, 1977.
9. Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Харьков: Типография К. Счастни, 1894.
10. Снегирев И.М. Русские народные пословицы и притчи / отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014.
11. Налоев З.М. Антология ранней адыгоязычной литературы. Нальчик: КБГИ, 2010.
12. Ушинский К.Д. Сказки и рассказы. М.: АСТ, 2019.
13. Эльбердов Х.У. Избранные произведения. Нальчик: Эльбрус, 1993.
14. Басни Эзопа / пер. с древнегреч.; отв. ред. Ф.А. Петровский; ред. изд-ва Ф.И. Гринберг. М.: Наука, 1968.
15. Кудалева З.Ж. Пчела в адыгских мифопоэтических воззрениях // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение. 2012. № 1. С. 39—41.
16. Куек А.С. Священное дерево в мифопоэтических воззрениях адыгов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение. 2013. № 2. С. 161—167.
17. Жанимов Б.А. Новый побег. Нальчик: Типография имени Революции 1905 года, 1959.
18. Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. Нальчик: Эль-Фа, 1999.
19. Соблирова З.Х., Хоконов М.А., Журтова А.А. Этнографический анализ социокультурного содержания института взаимопомощи кабардинцев и балкарцев // Электронный журнал Кавказология. 2019. № 4. С. 92—111.
20. Думанов Х.М. Обычное имущественное право кабардинцев (вторая половина XIX — начало XX в.). Нальчик: Эльбрус, 1976.

21. *Бгажноков Б.Х.* Основание гуманистической этнологии. М.: РУДН, 2003.
22. *Крылов И.А.* Полное собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. М.: ОГИЗ, 1946.
23. Мудрость веков. Запад / сост. А.Ю. Кожевников, Т.Б. Линдберг. СПб.: Нева, 2006.
24. *Бабич И.Л.* Эволюция форм гостеприимства у кабардинцев (середина XIX—XX вв.) // Этнографическое обозрение. Этнос и культура. 1996. № 3. С. 23—35.
25. *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1978.
26. *Бгажноков Б.Х.* Традиционное и новое в застольном этикете адыгских народов // Советская этнография. 1987. № 2. С. 89—100.
27. *Тхагапсоев Х.Г.* Этнический фактор в культурно-цивилизационных процессах // Культурологическая наука на парадигмальных разломах: избранные труды. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019.

References

1. Kuchukova, A.R., and Z.A. Kuchukova. 2015. "Kalila and Dimna as a prototype of transnational fairy tales". In National images of the world in artistic culture: Materials of the International Scientific Conference dedicated to the 85th anniversary of the birth of the literary critic, philosopher, culturologist G.D. Gachev (1929—2008). Nalchik: Publishing house of M. and V. Kotlyarovs (LLC "Polygraphservice and T"). Pp. 306—311. Print. (In Russ.)
2. Zhukovsky, V.A. 1960. "O basne i basnyakh Krylova". In Collected works in 4 v. Vol. 4: 402—418. Moscow, Saint Petersburg: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury publ. Print. (In Russ.)
3. Stepanov, V.P., and N.L. Stepanov, eds. 1977. Russkaya basnya XVIII—XIX vekov. Saint Petersburg: Sovetskii pisatel' publ. Print. (In Russ.)
4. Gachev, G.D. 2008. Mental'nosti narodov mira. Moscow: Eksmo, Algoritm publ. Print. (In Russ.)
5. Herodotus. 2004. Istoriya [The Histories]. Translated by G. Stratanovsky. Moscow: OLMA-PRESS Invest publ. Print. (In Russ.)
6. Kuzhuget, Sh.Yu., Suvandii, N.D., and Ch.K. Lamazhaa. 2021. The Problems of Translating Cultural Concepts into Another Language: On the Example of Tuvan Cultural Concepts. Polylinguality and Transcultural Practices 18 (4): 405—420. doi: 10.22363/2618-897X-2021-18-4-405-420
7. Bakhtin, M.M. 1979. Estetika slovesnogo tvorchestva [The Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskusstvo publ. Print. (In Russ.)
8. Herder, I.G. 1977. Idei k filosofii istorii chelovechestva. Translated by A. Mikhailov. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.)
9. Potebnja, A.A. 1894. Iz leksii po teorii slovesnosti. Kharkov: Tipografiya K. Schastni publ. Print. (In Russ.)
10. Snegirev, I.M. 2014. Russkie narodnye posloviysy i pritchi, edited by O.A. Platonov. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii publ. Print. (In Russ.)
11. Naloev, Z.M. 2010. Antologiya rannei adygozayachnoi literatury. Nalchik: KBGI publ. Print. (In Kabardian)
12. Ushinsky, K.D. 2019. Skazki i rasskazy. Moscow: AST publ. Print. (In Russ.)
13. Elberdov, Kh.U. 1993. Selected Works. Nalchik: Elbrus publ. Print. (In Kabardian)
14. Petrovsky, F.A., and F.I. Greenberg, eds. 1968. Basni Ezopa. Translated by M. Gasparov. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.)
15. Kudaeva, Z.Zh. 2012. The bee in the mythoepic views of the Adyghe. Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and Art History 1: 39—41.
16. Kuyek, A.S. 2013. Sacred tree in mythic poetic views of Adyghe. Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and Art History 2: 161—167.
17. Zhanimov, B.A. 1959. Novyi pobeg. Nalchik: Tipografiya imeni Revolyutsii 1905 goda publ. Print. (In Kabardian)

18. Bgazhnokov, B.Kh. 1999. *Adygskaya etika*. Nalchik: El'-Fa publ. Print. (In Russ.)
19. Soblirova, Z.H., Hokonov, M.A., and A.A. Zhurtova. 2019. Ethnographic Analysis of the Socio-cultural Content of the Mutual Assistance Practices of the Kabardians and Balkars. E-journal "Kavkazologiya" 4: 92—111. doi: 10.31143/2542-212X-2019-4-92-111
20. Dumanov, Kh.M. 1976. *Obychnoe imushchestvennoe pravo kabardintsev (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.)*. Nalchik: Elbrus publ. Print. (In Russ.)
21. Bgazhnokov, B.Kh. 2003. *Osnovanie gumanisticheskoi etnologii*. Moscow: RUDN publ. Print. (In Russ.)
22. Krylov, I.A. 1946. *Full Composition of Writings*. Vol. 3. Moscow: OGIZ publ. Print. (In Russ.)
23. Kozhevnikov, A.Yu., and T.B. Lindbergh, eds. 2006. *Mudrost' vekov. Zapad*. Saint Petersburg: Neva publ. Print. (In Russ.)
24. Babich, I.L. 1996. The evolution of the customs of hospitality among Kabardians (mid. XIX—XX centuries). *Ethnographic Review. Ethnicity and culture* 3: 23—35.
25. Khan Girey. 1978. *Zapiski o Cherkesii*. Nalchik: El'brus publ. Print. (In Russ.)
26. Bgazhnokov, B.Kh. 1987. Traditional and new in the table etiquette of the Adyghe people. *Sovetskaya etnografiya* 2: 89—100.
27. Tkhagapsoev, H.G. 2019. "Etnichesky factor v kulturno-tsivilitsionnyh protsessah". In *Kulturologicheskaja nauka na paradigmalnyh razlomah: izbrannye trudy [Cultural Science on Paradigmatic Faults: Collection Works.]*. Saint Petersburg: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Хашир Кара Оскаровна — аспирант, эксперт Центра мониторинга и рейтинговых исследований Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х.М. Бербекова.

E-mail: cara.khashir@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3426-9166, SPIN: 2540-4077

Bio Note:

Kara Oskarovna Khashir is a postgraduate student, an expert of the Monitoring and Rating Research Center of the Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov. E-mail: cara.khashir@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3426-9166, SPIN: 2540-4077